

Осознание человеком собственной подлинности

Елена Сапогова

АВТОБИОГРАФИРОВАНИЕ: «БЫТИЕ-ПОД-СОБСТВЕННЫМ- ВЗГЛЯДОМ»*

Аннотация. В рамках разрабатываемого автором экзистенциально-нарративного подхода автобиографирование рассматривается как особый – герменевтический – режим работы сознания («бытие-под-собственным-взглядом»), суть которого состоит в порождении «Я» как смысловой системы и осознании человеком собственной аутентичности. Автором введены и теоретически аргументированы понятия семантической удовлетворенности и семиотической компетентности личности как возрастных новообразований взрослости, проанализированы необходимость и смысл создания личных историй как способов «заботы о себе», обоснованы структура и содержание жизненного и экзистенциального опыта личности, предложена структура персонального смыслового тезауруса как «строительного материала» для автобиографирования, представлены психологические характеристики таких семантических единиц, как биографема, автографема и мифологема. Особое внимание уделено самосимволизации и созданию личностной мифологии и самоапокрифов в жизнеописаниях.

Ключевые слова: автобиография; жизненный опыт; экзистенциальный опыт; семантическая удовлетворенность; семиотическая компетентность; «забота о себе»; личностный тезаурус; биографемы; автографемы; мифологемы.

Abstract. Based on the author's existential-narrative approach, the construction of autobiography considered as a special – hermeneutic – mode of consciousness (“being-under-the-self-sight”), the essence of which consists in the origination of one's “Myself” as a semantic system and comprehension of

* Статья подготовлена в 2015 г. при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект № 15-06-10028).

one's peculiar authenticity. The author introduces and theoretically substantiates concepts of a person's semantic satisfaction and semiotic competence as new features of adulthood, analyzes the necessity and significance of the composition of personal life-stories as a way of "self-care", proves the structure and content of a person's life experience and the existential experience, presents the structure of the personal semantic thesaurus as "construction material" for an autobiographical narration, describes psychological characteristics of such semantic units as biographeme, autographeme and mythologeme. Special attention is paid to the symbolization and design of personal mythology and self-apocrypha in life-descriptions.

Keywords: *autobiography; life experience; existential experience; semantic satisfaction; semiotic competence; "care of the self"; personal thesaurus; biographems; autographems; mythologems.*

Каждый человек стремится рассказать о себе в собственных терминах.

Джон Вердон

Самообозначение
как способ
объективации опыта

Человеческое бытие, как писал Ж.-П. Сартр, всегда есть «бытие-под-взглядом»: «человек в смысловых основаниях своего существования, поведения и даже мысли открыт понимающей оценке, бежать от которой невозможно, как от самого себя» [1, с. 41]. Накапливая и ассимилируя уникальный опыт жизнеосуществления, он нуждается в слушающем и понимающем Другом, способном когнитивно и эмоционально соучаствовать в его попытках осмыслить, объективировать и верифицировать себя и свой жизненный путь. Возможно, именно поэтому в традициях культуры сформировалась и закрепились практика автонаррации – диалогической адресации внутренних переживаний и интенций реальному или виртуальному собеседнику в форме рассказывания автобиографических и квазибиографических историй [2].

Каждая из них содержит разнообразные проекции личности и опыта рассказчика (когнитивные, эмоциональные, социально-перцептивные и т.п.) и является своеобразным «Я-текстом» – повествованием с прямым или косвенным «Я-посылом», какое бы конкретное содержание он ни имел и с какими бы целями ни конструировался. Обретая способность к самообозначению и «принуждая смыслы существовать через себя» [3, с. 53], взрослая личность удовлетворяет потребность сделать свое понимание жизни востребованным другими, укоренить себя в значимых социальных практиках и быть в них не просто понятной, но понятой и принятой

Семантическая
удовлетворенность
и семиотическая
компетентность
личности как
новообразования
взрослости

в своей уникальности и самобытности. Ориентируя в той или иной мере свою жизнь на Другого, человек утверждает свое «не-алиби-в-бытии» (М.М. Бахтин).

Схватывая и точно объективируя для себя и/или для других свою внутреннюю сущность и миропонимание в личных историях, человек испытывает семантическую удовлетворенность (термин О.Э. Мандельштама) – своеобразное переживание, возникающее в актах самопонимания, когда удается уловить, обозначить и вербализовать непрерывно скользящие во внутреннем плане сознания текучие переживания, мгновенно вспыхивающие и тут же сменяющиеся новыми осознаниями себя-в-происходящем. Обозначить нечто, дать имя чему-то уникальному, родившемуся глубоко внутри тебя как отклик на бытие тебя и мира вместе, – значит дать ему право на жизнь, сделать его достоянием социальных практик, ввести в повседневные дискурсы.

Но взаимодействие человека с внешней и внутренней реальностью рождает многочисленные переживания, для которых часто бывает недостаточно усвоенных в социализации обозначений. Особенно это касается экзистенциальных (в том числе «мойных», «яйных») переживаний (взаимности, отчаяния, откровения, одиночества, смыслоутраты и пр.), устанавливающих для конкретного человека субъективную значимость, внутренний статус неких жизненных впечатлений. Кроме того, далеко не каждый человек в состоянии схватывать эти текучие мгновения самосозерцания – «состояния себя» (термин М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорского), опредмечивать их и выражать словами, то есть относиться к себе *герменевтически*.

Способность к самообозначению и самоинтерпретации, на наш взгляд, – своеобразное свидетельство зрелости личности, ведь очень долго все то, что человек может отрефлексировать как переживаемое им самим, находит существование и имя вовне и имеет характер «своего-чужого» (термин М.М. Бахтина) – мы как бы «узнаём» свои переживания вовне. Но чем старше становится человек, чем более объемным и разнообразным становится его жизненный опыт, тем больше граней приобретает взаимодействие с разными сферами реальности. Чем более развита рефлексия, тем сильнее осознается собственная самобытность и вместе с ней необходимость фиксировать себя вовне, обозначать уникальные феномены своего внутреннего мира и эпизоды значимых, порой и вовсе единичных, взаимодействий с реальностью.

Ментальная
необходимость
самовыговаривания

Способность к личностной герменевтике как умение усматривать и интерпретировать уникальные события и характеристики своего внутреннего опыта, определяться собственными значениями, не соскальзывая к привычным шаблонам и клише, усвоенным в социализации, образует важное новообразование взрослости – семиотическую компетентность.

К появлению семиотической компетенции личность идет достаточно долго. Консультирующие психологи давно заметили, что даже взрослые люди значительно с большим трудом говорят о своем *внутреннем опыте*, чем о своем поведении или совершенных действиях. И это вполне объяснимо. Для любого субъекта непрерывная континуальность и непосредственно наблюдаемая данность собственного существования вполне очевидны и вроде бы не требуют ни особого подтверждения, ни сколько-нибудь специфического анализа: внутри себя субъекту всегда и так про себя «всё ясно». В этом внутреннем пространстве обозначения почти и не нужны: самосознание здесь соотносится *только с самим собой* и для самоуверенности ему не требуется никаких других верификаций. Тем не менее повседневные дискурсы полны разнообразных «историй о себе», рассказываемых людьми друг другу с целью подтверждения смыслов, ценностей и оценок своего существования, а автобиографирование является одной из весьма распространенных индивидуальных и социальных практик. Почему?

В том, чтобы открывать себя для других, есть своеобразная *внутренняя потребность*, для которой М.К. Мамардашвили и А.М. Пятигорский предложили термин «ментальная необходимость самовыговаривания» [4]. Они говорили о ней как о своеобразном тяготении взрослого человека к тому, чтобы эксплицитировать собственные внутренние характеристики, «высвечивать» себя для других (М. Хайдеггер), выносить свой персональный опыт в «пространство между» (В.П. Зинченко). Рассказывая о себе, человек, как говорил Н.А. Бердяев, «овнешняется», хотя и теряет при этом часть своей самобытности, поскольку вынужден «укладывать» ее в существующие и доступные большинству концептуальные схемы идентификации и референции. Видимо, об этом же говорил и Э.А. Голосовкер, обсуждая человеческие «побуды»: одним из таких жизненно важных «побудов» он считал стремление человека к сохранению индивидуальной неповторимости личности («культурный побуд» или «побуд к бессмертию» [5]).

Автобиографирование как форма «заботы о себе», как способ производства субъективности

Самовыговаривание получает свою наиболее завершённую форму в процессах автобиографирования – конструирования и рассказывания личных историй, результатом чего становится удовлетворяющая автора на данный момент текстовая идентификация его жизни и личности. Биографическая или квазибиографическая история и есть такая «здесь-и-теперь-идентификация», опирающаяся на рефлексивное выделение в непрерывном жизненном пути отдельных, субъективно завершённых и имеющих значимость для субъекта жизненных фрагментов и придание каждому из них смысла.

Автобиографирование, с каждым разом охватывающее и фрагментирующее в смысловом плане всё более длительные отрезки жизни, необходимо личности для того, чтобы анализировать, ассимилировать и фиксировать итоги постоянно текущего во внутреннем плане сознания процесса *индивидуации* (К.Г. Юнг) – построения, складывания собственного самобытного «Я». Оно даёт возможность наделять смыслами накапливающийся объём жизненного опыта, трансформируя его в опыт экзистенциальный [6]. А складывающаяся с возрастом семиотическая компетентность позволяет, выполняя житнетворческую функцию, создавать новые субъективные семантические единства – смысловые синтагмы, отражающие пристрастное отношение к собственной жизни.

В этом плане самовыговаривание может быть понято как частный вариант более широкого психологического феномена, описанного М. Фуко, – «заботы о себе» [7; 8]. В идею «заботы о себе» входит все то, что человек способен отрефлексировать как *необходимое именно ему*, совершаемое исключительно «ради самого себя», ради своей самости, в том числе для «жизни духа». Её важным моментом является желание и способность человека трансформировать себя, изменять свое бытие, принимая на себя самообязательства. М. Фуко рассматривает «заботу о себе» как своеобразную технологию производства субъективности, смысл которой в том, что человек должен создать собственный модус самообладания, свободно изобрести, построить себя. В этом и проявляется деятельное отношение к себе и своей жизни, следование собственному пониманию себя, своих возможностей и интенций.

Автобиографирование как «бытие-под-собственным-взглядом»

Будучи понятой сквозь призму «заботы о себе», автонаррация являет себя не только как самовыговаривание, движимое стремлением личности раскрыться в реальность и отвечающее социальной позиции «бытия-под-взглядом», но и как глубокий механизм самопо-

нимания и самоорганизации, протекающий исключительно *под контролем самой личности*. За каждым человеческим поступком просвечивается эта фундаментальная потребность в *соотнесении себя с самим собой*.

Речь идет о том, что в автобиографических построениях субъект волен легитимизировать лишь те фрагменты своей жизни, которые сам считает значимыми и согласующимися с его представлениями о себе и внутренними мотивами повествования. Он включает в автобиографические тексты одни события и исключает другие, искажает смысл или смещает акценты в третьих и даже вообще иногда включает в личную историю выдуманные или заимствованные эпизоды, которых не было на его жизненном пути, но которые ему хотелось бы пережить. В основном это касается явлений внутреннего плана (интерпретации чужих чувств, переживания собственных инсайтов, метафизических открытий, духовных откровений), но может затрагивать и саму биографическую канву, хотя она и подлежит верификации извне. В этом плане если жизнь субъекта протекает в форме «бытия-под-взглядом», то автобиография строится как *«бытие-под-собственным-взглядом»*.

Строя автонарратив, субъект осуществляет метадеятельность по отношению к собственному сознанию, позволяющую путем смысловой интерпретации, амплификации и трансформации событий и происшествий жизни достигать переживания аутентичности. Конечная цель построения и повествования личных историй – создание приемлемого и в той или иной мере достоверного (и/или компенсаторного) образа себя и своего жизненного пути как результата авторефлексивного опыта.

Одновременно «бытие-под-собственным-взглядом» переживается как акт индивидуальной свободы и составляет часть процессов внутреннего моделирования и экспериментирования, позволяющих осуществлять целеполагание, а впоследствии воплощать их результаты в поступки и деяния. В этом плане автобиографирование может быть в перспективе рассмотрено как значимый аспект управления личностью процессами собственной жизни (самоорганизации) и – шире – как элемент саморегуляции.

М. Хайдеггер, обсуждая Dasein («здесь-существование»), «вот-существование» [9]), выделил в нем два противоположных модуса бытия, или, иначе, две разные формы экзистирования субъекта: *eigene* (аутентичную, собственную, свою, принадлежащую только себе и в конечном итоге – свободную) и *uneigene* (неаутентичную, неподлин-

Аутентичный и неаутентичный регистры существования субъекта и их проекции в «бытии-под-собственным-взглядом»

ную, отчужденную от смыслов существования конкретного субъекта). По большей части субъект пребывает в неаутентичном существовании, постоянно стремясь воплотиться, проявиться в аутентичном. В «бытии-под-собственным-взглядом» осуществляется осознание, что разные экзистенциалы (одиночество, ответственность, счастье, долг, вера, призвание и т.д.) могут выступать для конкретной личности либо как аутентичные, либо как неаутентичные в пределах обеих форм экзистирования.

Рассмотрим это на примере переживания одиночества, которое может осознаваться либо как конгруэнтное личности состояние, либо как некомфортное, отягощающее переживание ею внутреннего благополучия.

Из регистра неаутентичного существования, требующего от субъекта общительности, построения социальных связей и прочего как социально желательных характеристик, одиночество может восприниматься как вполне аутентичное состояние: «мне приходится жить не своей жизнью, ну что ж, мир – театр, и я играю в нем положенную роль, но мое одиночество – моя защита от людей, и оно меня не тяготит». В процессах автобиографирования мы наверняка встретим сюжеты «одиночества в толпе», «усталости от людей», «удовольствия побыть одному» и т.п.

Однако в режиме аутентичности, ориентированном на потребность в близком, в другом, осознанные факты одиночества, невостребованности, отсутствия желаемого количества значимых эмоциональных связей могут казаться личности неаутентичными: «я остро жажду совместности, но я одинок, и это ранит меня». Возможно, в этом случае при автобиографировании, всячески стремясь опровергнуть, оттолкнуть от себя факт атрибуции одиночества своей личности, субъект будет «вычеркивать» его из личных историй, представляя себя как коммуникабельного человека, пребывающего в гуще социальных отношений («вам кажется, что я одинок, а я просто избирателен»). Автобиографирование здесь явит себя как психологический механизм защиты личности, и в рассказываемых историях будут совершаться подмены, появятся выдуманные вставки, призванные утаить от слушателя отвергаемый факт одиночества. Тем самым нарративный продукт будет удалять личность от собственной подлинности, хотя и приближать личность к слушателям и к той социальной норме, которой следует субъект («быть одиноким – плохо»).

Также для кого-то другого в модусе аутентичности одиночество будет осознано как абсолютно аутентич-

ный, добровольно принятый и даже желанный факт («да, моя жизнь требует от меня закрытости и замкнутости, и, к счастью, я таков и есть, мне комфортно быть таким и мне не приходится обуздывать свой характер»). Тогда личные истории в этой части не подвергаются искажениям и будут наполнены фактами добровольного отшельничества, даже если это войдет в противоречие с некоторыми социальными оценками извне.

В модусе неаутентичного существования одиночество может переживаться и как неаутентичное («от меня ждут закрытости и замкнутости, я такой и есть, но из чувства внутреннего протеста никому не дам этого понять, буду действовать вопреки тому, чего от меня ждут»).

Неаутентичный регистр существования может травмировать и даже инвалидизировать личность, но чаще просто уничтожает ее самобытность, не дает ей проявиться и стать осознанной и действенной. Как пишет А.Г. Дугин, «в неаутентичном модусе любое – даже самое экстраординарное – событие превращается в рутину, банализируется, включается в привычное» [10, с. 261], трансформируется в повседневность и удаляет личность от самой себя. В этом смысле «быть рабом собственной природы есть не бóльшая свобода, чем быть рабом какой-либо чужой природы» [11, с. 45], а для человека всегда существует риск самопорабощения (о чем свидетельствуют акцентуации, невротические и пограничные состояния).

Порождение «Я» и жизненного пути как смысловой системы в автобиографировании

Одно из назначений автобиографирования – обращение сознания на самое себя, поиск и обретение аутентичности. Герменевтически ориентированное автобиографирование конструирует и конституирует «Я» – порождает его как смысловую систему – путем отбора из непрерывно текущего опыта тех фрагментов, которые что-то для человека значат, что-то говорят ему о нем самом, детерминируют его последующие поступки и мысли, задевают его чувства, имеют к нему отношение, одновременно пропускают всё то, что не попадает в индивидуальную область означивания. Строя автобиографию, субъект одновременно строит актуальные для него в данный момент жизни ответы на экзистенциальные вопросы: кто я? куда иду? зачем я существую? ради чего/кого живу? могу/хочу ли жить иначе?

Все истории о себе, какими бы они ни были, рождаются не спонтанно, случайно и автономно, а всегда в момент пребывания индивидуального сознания в некой мысленной идее, в подхваченном извне образе, в переживаемой эмоции. «Состояние сознания», отраженное в

конкретном автонарративе, дано каждому человеку *как присутствие* в широком диапазоне вещей, действий, смыслов, чувствований и – одновременно – как продукт их личной интерпретации. Видимо, именно об этом говорит М.К. Мамардашвили: сознание есть такой текст, который возникает *самим актом чтения* этого текста, который сам себя обозначает, который отсылает к самому себе, и такая самоотсылка снова становится текстом – до бесконечности.

Жизненный
и экзистенциальный
опыт личности

В этих же контекстах мы различаем *жизненный* и *экзистенциальный* опыт человека, полагая, что для социально ориентированных текстов (для «бытия-под-взглядом») важнее первый, а для осознания собственной подлинности (для «бытия-под-собственным-взглядом») и возможных направлений самоорганизации – второй.

Под *жизненным* опытом мы предлагаем понимать достаточно универсальный комплекс в той или иной мере упорядоченных и доступных сознанию воспоминаний, переживаний, представлений и выводов, извлеченных из происшествий общего с другими повседневного исторического (хронотопического) существования, а под *экзистенциальным* – комплекс индивидуально извлеченных и персонально значимых концептов, семантически соотнесенных с самой личностью и созданных как личностно значимое обобщение содержания и смыслов неких уникальных жизненных событий и обстоятельств, случившихся с нею и раскрывших свои значения только ей. Именно экзистенциальный опыт по преимуществу образует *жизненно-смысловую* реальность конкретного человека и именуется им «*моя жизнь*».

Смысловой тезаурус
личности

Поскольку в автобиографировании речь идет об интерпретативных процессах, они должны осуществляться над неким содержанием сознания. Мы полагаем, что этот материал – *жизненный* и *экзистенциальный* опыт, упорядоченный и фиксированный в персональном смысловом тезаурусе.

Мы определяем его как своеобразный «*экзистенциальный словарь*», персональный каталог смысловыражающих единиц конкретной личности, собранный в процессах социализации и инкультурации для удержания и упорядочения опыта. Представленный в виде многомерной ассоциативной сети, смысловой тезаурус создает в той или иной мере систематизированное и упорядоченное описание комплекса представлений конкретного субъекта об освоенной им реальности в значимых для него семантических единицах и сцепках

этих единиц. Таким образом, персональный тезаурус – это совокупность самостоятельно отобранных человеком категорий-«мерок» (семантем), способных, как ему представляется, адекватно описывать его понимание себя и мира и используемых для понимания окружающей реальности с выделением в ней именно тех сфер, которые ему потребны.

В семантическом плане тезаурус разнороден и неравномерен: в определенных сферах реальности, куда входят личностные приоритеты, единиц и их сцепок очень много, а некоторые области реальности, которые человеку едва знакомы, не нужны или попросту не интересны, в тезаурусе и вовсе не представлены. Конечно, форма объективации личностных приоритетов задается не только самой личностью, но и ее хронотопом, традициями социализации, характером взаимодействия с семантическими пространствами других людей и т.д. Тем не менее переживание пристрастной причастности к определенным областям реальности задает ключевое направление формированию индивидуального тезауруса и определяет его содержание.

По определению М.Н. Эпштейна, персональный «тезаурус – это срез нашего сознания и видения жизни как целого», куда включаются личные имена и географические названия, термины родства, исторические события и календарные даты, социальные и профессиональные институты, усвоенные конкретные и абстрактные понятия, архетипические конструкции [12, с. 48–49]. Как и всякий словарь, тезаурус содержит определенные кластеры/ рубрики, которые семантически объединяют «отдельные мысли» субъекта, эпизоды взаимодействия с реальностью, приведшие личность к определенным выводам, описания персонально значимых событий, «символы верь», отдельные воспоминания, чувствования, сновидения, представления, фантазии и т.п. [Там же, с. 35].

«Слова» индивидуального тезауруса (образно-когнитивные элементы, выражающие некую значимую для человека идею) объединяются в нем не по формальному признаку (алфавитному или тематическому), а по смысловому, ассоциативному, аллюзивному, и его семантические гнезда расположены ближе или дальше от его центра – индивидуального «Я» – в зависимости от их значимости для данной конкретной жизни, от того, насколько точно они описывают эту жизнь и эту личность. В этом плане персональный тезаурус – чрезвычайно подвижная структура, завязанная среди прочего и на темпоральных диспозициях «Я».

Структура
смыслового
тезауруса:
биографемы,
автографемы,
мифологемы

Отталкиваясь от содержания и вербальных характеристик биографических историй, рассказанных клиентами нашей консультативной практики, мы предположили, что любой индивидуальный тезаурус содержит психосемантические единицы (знаки, семантемы, смысловые синтагмы) как минимум трех видов – биографемы, автографемы и мифологемы, которые используются в повествованиях о себе в разных сочетаниях.

Ряд «биографема – автографема – мифологема» на уровне сознания конкретного субъекта приблизительно соответствует ряду «значение – смысл – символ».

Первый вид – это единицы, названные Р. Бартом биографемами [13, с. 49]. Он выделил их по аналогии с фотографиями как «искусственное припоминание» [14, с. 79] и полагал, что биография поддерживает с биографемами те же отношения, что и история с фотографиями. Одним из нереализованных замыслов французского философа было «прочитать много биографий и выбрать из них факты-биографемы» [Там же, с. 124]. Но, вероятно, если бы этот замысел воплотился, его результатом стал бы объемный и почти не поддающийся строгому описанию перечень «имен» нормативных событий (учеба, дружба, работа, встречи, рождение детей, смерть родителей и др.), так или иначе встречающихся на любом жизненном пути, и если и изменяющих течение жизни, то делающих это не столько персонально и существенно, сколько возрастно или социально, в предусмотренную текущим культурным хронотопом сторону.

Позже М.Н. Эпштейн предложил называть подобные единицы тезауруса *биограммами*, понимая под ними в той или иной степени обобщенные «структурные единицы жизненного целого», такие как дружба, одиночество, встреча, разлука, учеба, болезнь, замужество, роды и т.д. [12]. В.К. Харченко в своем словаре называет биографемы фрагментами из воспоминаний или семейных родословных в сочетании с некоторым, связанным с ними микросюжетом [15].

Выделение биографем основывается на том, что жизнь всегда распадается для личности на разные по длительности, но всегда завершенные в смысловом плане смысложизненные фрагменты, фиксирующие то, что она осознала, поняла, приняла из целостности своего прошлого и преломила через свои чувства и представления. В этом плане «биографема – это частичный объект, он существует как бы вне хронологического времени, поскольку обладает своим собственным пространством и временем, не сводимым к другому» [16, с. 133].

Биографемы как образно-семантические конструкции сознания, фиксирующие непосредственный жизненный опыт субъекта

Одна и та же выделенная биографема (любовь, долг, удача) может относиться к разным временным отрезкам и разным эпизодам жизни человека, но любая из них всегда соотносена с его «жизненным целым» – с тем, как представлена, фрагментирована и упорядочена для него его собственная жизнь.

В нашем понимании, биографемы выступают как образно-семантические конструкции сознания – единицы фиксации непосредственного *жизненного* опыта субъекта, отражающие его взаимодействие с определенным событийным рядом. Фактически это пережитые и семантизированные события, участником или свидетелем которых был человек и которые в той или иной мере соответствовали тому, что происходило и познавалось им на протяжении его жизни. Биографемы образуют внутреннюю карту понимания жизни конкретным субъектом, способ индивидуальной навигации в пространстве жизненных происшествий («моя жизнь – это: обиды детства, разочарования юности, предательства взрослости и потери старости», «чтобы понять мою жизнь, надо испытать холод, голод, войну и горе»).

Биографема и значение

Вполне очевидно, что если определенные случаи и происшествия не были хотя бы опосредованно пережиты личностью (в плане наблюдения, сопереживания, сочувствия), то содержание биографем фактически совпадает для нее с неким их абстрактным значением. Человек знает, что «да, такое бывает в жизни», что «это в принципе может случиться и со мной», но пока это не становится достоянием собственного опыта, оно не превращается в полноценную биографему, оставаясь в области когниций. Так, к примеру, если субъект не переживал сущностных утрат, не относился к своему образованию как к ценности, не имел опыта значимых эмоциональных отношений с другими, его тезаурус и не содержит таких биографем или же они оказываются семантически пустыми множествами. Это не означает, что у субъекта нет представлений о том, что такое утрата, любовь, счастье, подвиг и др., но все это существует в его сознании на уровне почти периферических знаний, как бы не имеющих к нему и его жизни прямого отношения.

Когда же человек сталкивается с непосредственным переживанием конкретного жизненного эпизода, оно может либо стать значимым для него, оставить след в его душе, повлиять на дальнейшее течение жизни, изменить его «картину мира» и тем самым превратиться в автографему («горжусь полученным в МГУ образованием», «рано потерял родителей»), либо пройти мимо

его сознания, не слишком задев за живое и оставшись на уровне биографемы («имею два высших образования», «похоронил родителей»).

Содержательно биографемы адаптируют выработанные в обществе значения жизненных концептов в приемлемую и понятную личности форму, смешивая усвоенное значение с «Я-концепцией», с накопленным личностью опытом (не просто «дружба», а «*моя дружба*», «*мною понятая дружба*», «*дружба, как я ее себе представляю*»). Биографемы помогают удерживать и удостоверять некие факты в сознании, в актуальном поле собственных действий и выборов, исходя из них, отталкиваясь от них, имея их в виду, принимая их во внимание. Фактически они образуют фон предзнания для осмысления и интерпретации последующих жизненных происшествий.

Сцепки биографем
как основа
биографической
канвы

Простейший эмпирический анализ рассказов респондентов о себе показывает, что для любой личности можно выстроить разные совокупности и последовательности биографем: например, рождение, последовательность рождения (старший – средний – младший), родители, прародители, другие родственники, сиблинги, семья, отчий дом, детство, детские воспоминания, ландшафты детства, игры, игрушки, детский сад, воспитатели, врачи, другие взрослые, другие дети, первые друзья и компании, первые достижения, интересы, способности, учение, школа и т.д. Все это образует чрезвычайно разветвленную, но одновременно плохо поддающуюся систематизации семантическую сеть, определяющую в конечном итоге самоотношение и интегральный концепт «Я-жизнь». Они часто закладываются в биографическую канву личных историй.

Накопление биографем и расстановка на них эмоционально-когнитивных меток, видимо, тоже не спонтанны. Воспользовавшись идеей К. Хорни [17], можно предположить, что они могут быть подчинены трем основным внутренним интенциям личности – «к людям» (любовь, защита, конформизм, подчинение, согласованность действий), «от людей» (независимость, свобода, отдаление от людей) и «против людей» (успех, власть, признание, сила, подчинение других).

Биографема – своеобразный мостик между реальностью существования субъекта и его соображениями, представлениями о ней. Они в большей степени, чем другие единицы, участвуют в построении общей (базовой) картины мира конкретного субъекта. Остальные единицы во многом отходят от содержания реальных биографических фактов, заменяя его пристрастным

Автографема как
единица фиксации
экзистенциального
опыта

отношением к ним. Являясь результатом герменевтической обработки фактов, эти единицы, обобщенно говоря, «занимаются» не реальностью, а самой личностью и проекциями в ее внутренний мир жизненных случаев.

Для второго вида тезаурусных единиц мы предложили название «автографема». Если биографемы во многом ориентированы на социально заданное значение, приписываемое социумом и символизмом культуры определенным фрагментам жизненного пути, то автографемы в большей степени соотнесены с личным смыслом, с человеческой пристрастностью. Они возникают в сознании как результат *первичной* герменевтической обработки биографемного материала. Воспользовавшись нашим примером, скажем, что это уже не «дружба» вообще и даже не просто «*моя дружба*», а «*что значила / значит моя дружба с... для меня*» или же «*моя многолетняя дружба с...*», «*моя несостоявшаяся дружба с...*», «*дружба, в которой я был на вторых ролях*», «*преданная... дружба*», «*дружба с... переросшая в любовь*» и т.д. В автографеме жизненный эпизод предстает насыщенным персональной конкретикой, порой заслоняющей и/или меняющей привычные представления.

Это – единицы для описания и хранения экзистенциального опыта субъекта, то есть тех событий жизни, которые конкретная личность превратила в «события текста», преломив их через собственный опыт, смысловые конструкции, ценностные системы, индивидуальные переживания и пр., то есть через статус «события сознания». Автографемный повествовательный слой личности менее «выговорен», менее проработан исследователями и писателями (в силу их тяготения к архетипическим конструкциям и нарративным схемам), тем не менее он намного более значим, чем биографемный.

Огромная часть личного опыта плотно спрессована в этих единицах, далеко не всегда доступных в межличностных коммуникативных актах (они не «окультурены» и не «омасовлены» так, как биографемы) и часто требующих экзистенциального уровня общения (по К. Ясперсу), доверительного самораскрытия личности. И, конечно, общность тезаурусов на уровне автографем психологически способна сблизить людей гораздо больше, чем общность на уровне биографем. Вероятно, когда люди говорят о подлинной близости, ощущают родство душ, речь может идти именно о совпадении содержаний фрагментов экзистенциального опыта («судеб сплетения»).

Автографема есть превращенная форма индивидуально воспринятого жизненного факта, наилучшим

образом раскрывающая личности самое себя и самобытность ее жизни. Это семантически свернутый, сжатый микросюжет, ядро которого составлено неким значимым для субъекта событием, воспринятым как имеющее к нему отношение, а обширная и не менее значимая периферия – его оценками, переживаниями, представлениями, образами, домыслами, интерпретациями. И даже сами единицы, как верно замечает М.Н. Эпштейн, здесь более «инвентарны»: анализируя тексты Р. Барта, он, к примеру, упоминает ожидание, удивление, скитание, аскезу, катастрофу, нежность, безответность.

Назначение автографем – синтез персональной семантики: преломляя информацию о реальности, ставшую достоянием субъекта, через накопленный опыт жизнеосуществления, индивидуальное сознание превращает ее в единицы опыта экзистенциального, если этот опыт задел личность за живое и стал значимым для дальнейшего существования.

Виды автографем

Нами выделены доминирующие, уникальные, прецедентные и альтернативные автографемы, способные закрепить в личности то, что для нее действительно значимо, составляет ее «самое само» (А.Ф. Лосев) – то, с чем она, собственно, себя отождествляет.

Доминирующие автографемы

Доминирующие автографемы составляют абсолютное большинство в личных историях и очерчивают субъекту актуальный для современного ему хронотопа круг «должного-значимого» («моя любовь к...», «моя работа в...», «моя семья» и пр.). Имея в качестве источника возрастно-социальные задачи и запросы общества, они усваиваются в процессах первичной социализации, диктуя субъекту некую общую систему принятых в данной этнокультуре (субкультуре, микрокультуре) категорий, с помощью которых он должен структурировать и измерять событийное течение своей жизни. Каждый социализированный человек знает, как должна бы строиться и протекать его жизнь, какие события в принципе в ней могут произойти, он ожидает их наступления и потому, почти с необходимостью, включает в биографический нарратив. В силу общности ряда событий в жизни большинства людей, принадлежащих к одному времени и одной культуре, с помощью доминирующих автографем создаются стандартные тексты типа «родился... учился... влюбился... служил... и т.д.».

Доминирующие автографемы по своему содержанию еще очень близки к биографемам, но из всей совокупности биографем конкретное сознание отбирает *свой* набор предпочитаемых единиц, которыми, как ему кажется, наиболее адекватно описывается жизнь. Для

Прецедентные автографемы

кого-то доминирующую совокупность составят автографемы, связанные с общением, взаимодействием, групповыми связями, социальным влиянием и пр.; для кого-то это будут единицы, связанные с профессиональными достижениями, трудом, познанием и т.п.; кто-то, будучи более других склонен к рефлексии и самопознанию, выберет из возможной совокупности по преимуществу комплекс чувственных и ментальных единиц и т.д.

Прецедентные автографемы усваиваются через знакомство с семиотическими ресурсами культуры (литература, театр, кинематограф, средства массовой информации и пр.), в которой взрослеет субъект, и очерчивают для него круг «избирательно значимого». Речь идет о фольклорных и литературных сюжетах, персонажах, архетипах, которые были отобраны для него агентами социализации (родителями, прародительской семьей, школьной программой, детско-семейным и самостоятельно сформированным кругом чтения). Они выстраивают в сознании типичные стратегии поведения и самоосмысления (например, геройства, преодоления, спасения, жертвенности, трикстерства и т.п.). Прецедентные паттерны кажутся значимыми и соотносимыми с обстоятельствами собственной жизни и самоощущениями, они выступают как ценностно и «истинностно» насыщенные образцы для идентификации.

Прецедентные автографемы могут частично выводить линию жизни субъекта из событийно-процессуальной («родился, крестился, женился...») в духовно-достиженческую («понял», «узнал», «осознал», «открыл для себя», «достиг», «смог» и т.д.), что делает автобиографический текст, включающий их, более психологизированным. Посредством таких текстов человек связывает себя с чем-то большим (культурным, архетипическим), чем есть он сам.

Прецедент всегда опирается на подразумеваемое сходство, аналогию. Знакомство с ним запускает специфический процесс «узнавания себя вовне», который рождает чувство внутренней смысловой близости, родства происходящего с узнаваемым. Это делает прецедент мощным орудием идентификации, иногда даже более сильным, чем «голос самости». Порой различие «своего» и «чужого» совсем исчезает, поскольку прецедент, подкрепленный переживаниями и оценками множества других людей, кажется более достоверным и точным, чем собственный опыт.

Уникальные автографемы

Уникальные автографемы – это нарратизированные события реальной или внутренней жизни субъекта,

в большей или меньшей мере расходящиеся с доминирующими и прецедентными и потому образующие наиболее сильные точки текстов о себе, их бифуркационные центры (например, ранняя утрата, духовное откровение, опыт экзистенциального самораскрытия и пр.). Это не значит, что они абсолютно единичны, – они уникальны для конкретной личности и ее окружения, поскольку противоречат общей логике того, что человеку «на роду написано» (как часто говорят респонденты, «этого просто не должно было случиться в моей жизни», «такого быть не могло»).

На этих событиях сознание сосредоточилось, выделив их из череды других, амплифицировав их смыслы и сделав ключевыми эпизодами самостановления («вот это было главным в моей жизни», «без этого я был бы не я», «если бы не это, я бы никогда не стал таким, как сейчас», «это перевернуло всю мою жизнь»). Они очерчивают в сознании круг «персонально значимого» и побуждают личность к рефлексии и коллекционированию крупиц уникального, самобытного опыта, а следовательно, толкают к осмыслению своей жизни как неповторимого, самобытного феномена.

Альтернативные автографемы

Наконец, тезаурус включает альтернативные автографемы – нарратизированные события, которые вероятно могли бы произойти в жизни личности, исходя из того, как она мыслит и понимает себя, как она структурировала и создала свои жизненные сценарии, какие смыслы и ценности она начала реализовывать в ней и т.д.

В каком-то смысле они «декорируют» личные истории, позволяя им оставаться неоднозначными, имеющими разные трактовки. Это могут быть заимствованные из книг и чужих жизнеописаний и даже надуманные вставки, мечты, фантазийные эпизоды и детали. Они включаются в автобиографические истории потому, что субъект с их помощью усиливает значимость своей жизни, пытается придать ей особые, важные для него смыслы, объясняет или оправдывает ими что-то значимое для самого себя.

Это, видимо, круг «вероятно (возможно) значимого», составляющий наиболее творческую часть личных историй. В рамках этих повествований, адресованных прежде всего самому себе, человек оживляет и усиливает свои «спящие» интенции, прочерчивает новые пути саморазвития, намечает стратегии выбора новых самореализаций.

Понятие личностной мифологемы

Однако только на фиксации жизненного и экзистенциального опыта герменевтическая работа созна-

ния не заканчивается. Назначение тезаурусных единиц третьего вида – личностных *мифологем* – закрепление единиц экзистенциального опыта в персональных символических конструкциях, которые полагаются человеком подлинно существующими смысловыми элементами внутренней реальности: они являют собой своеобразный, почти закрытый, семантический ресурс личности, позволяющий сохранять ее самобытность и строить вероятностно-возможностные варианты собственного «Я» и своего жизненного пути.

Введением термина «мифологема» гуманитарные науки обязаны преимущественно К.Г. Юнгу, К. Кереньи, Дж. Фрезеру и Э. Кассиреру, хотя еще в 1918 году П.П. Блонский в книге «Философия Плотина», развивая идею о том, что философия рационально перерабатывает мифологию, использовал понятия «мифологема» и «философема» почти в современном их понимании [18]. К. Леви-Строс в этих же контекстах говорил о *мифемах* – словах с двойным смыслом, одновременно принадлежащих к двум семиотическим системам (привычному, обыденному значению слова противопоставляется его мифологическое, или символическое, значение), но в контекстах нашего анализа более предпочтительным мы сочли термин «личностная мифологема», апеллирующий к широкому пласту культурных ассоциаций и характеризующих персональную субкультуру.

Отметим, что расширение контекстов использования понятия мифологемы в целом отвечает современной социокультурной ситуации: если в XX веке исследования двигались в направлении демифологизации сознания, то сейчас наблюдается активный процесс его ремифологизации [19]. «Тезаурусы управляют жизнедеятельностью человека, и если ни наука, ни искусство, ни философия не могут разрешить задачу создания целостной картины мира, скрепляющей содержание тезаурусов и позволяющей таким образом найти в окружающем мире прочные ориентиры, люди обращаются к архаической, но цельной картине мира, даваемой религией и мифологией» [20, с. 232].

В самом общем смысле мифологема выступает как «авторский образ, построенный на системе традиционных культурологических и литературных парадигм, структура которых формируется на давних мифологических фундаментах» [Там же, с. 233]. В индивидуальном сознании такие единицы образуются посредством вторичной герменевтической работы над автографемами экзистенциального опыта с целью придать отдельным

Мифологемы
и личные апокрифы

его эпизодам концентрированную сверхзначимость, сделать их воплощением не просто отдельных существенных для человека событий, но и всей его жизни, всей его личности в целом: как писал Р. Барт, «я сам себе символ, сам являюсь происходящей со мною историей» [14, с. 20].

В мифологеме символически аккумулировано все то, что личность хочет думать и/или сообщать о себе и своей жизни, и в любой момент она способна развернуться в бесконечный ряд идентификаций, самосимволизаций и автонарративов.

В консультативной практике мы встречали многообразные метафорические конструкции разной сложности и обобщенности, например: «Я – дитя-радость», «Я – московский простой муравей», «Я – иероглиф», «Я – фарфоровый слоник», «Я – туманность Андромеды», «Я – Бермудский треугольник», «Я – желтый цвет Ван Гога», «Я – точка Омега», «Я – океаническая глубина», «Я – игла времени», «Я – пламенеющая готика», «Я – ходячее несчастье», «Я – экзистенциальный соблазн», «Я – облако, под которым кто-то был счастлив», «Я – ученая крыса», «Я – уходящая натура» и т.п.

Мифологемы могут становиться эмоционально-когнитивными центрами *личностных апокрифов* – неких сверхважных для человека историй, воспринимаемых им *неразрывно от собственной жизни и личности*, как ее идентификационно-сущностные части, воплощающие «необходимость себя» (термин М.К. Мамардашвили). Фактически при любом жизнеописании они включаются в повествование, поскольку составляют центр самовосприятия, своеобразную экзистенциальную «Я-парадигму», внутреннее правило, в соответствии с которым осознаётся собственное «Я». Тем не менее эти истории создаются на основе уже существующих и лишь опосредованно *принадлежащих опыту рассказчика* случаев и происшествий, в которых он усматривает не первоначальный, но иной и – главное – адресованный именно ему смысл.

Это могут быть прочитанные, наблюдаемые и тому подобные истории, взятые субъектом в качестве *персональных прецедентов*, поскольку их содержание затрагивает его сущностное содержание: представления о себе, желания, образы «Я», самоидентификации и пр.

Человек и его символы, процессы самометафоризации, создание самоапокрифов и легенд о себе – тема, достаточно интересная для психологов и терапевтов, но исследованная сравнительно мало, что объясняется почти полной недоступностью, потаенностью и сложно-

стью самого предмета анализа. Интерпретация индивидуальных символов извне – занятие практически невозможное: даже при попытках самих рассказчиков вербализовать, прокомментировать и объяснить психологу суть и содержание личных мифологем и апокрифов, причины и необходимость их отождествления со своей жизнью и личностью, часть смыслов, совершенно очевидных для автора, безвозвратно утрачивается.

Мифологема
в смысло-жизненном
пространстве
субъекта

Используя в контексте нашей работы термин «личностная мифологема», мы понимаем его как образно-понятийное образование сознания, имплицитно соединяющее в себе смыслы целого ряда личностно значимых эпизодов, слившихся для субъекта в «символ Я» (в продолжение нашего примера: «я – настоящий друг»; «дружба то, ради чего стоит жить»). Он предельно абстрактно и обобщенно отражает преломленное через культурные образы, знаки и символы содержание себя и своей жизни, воплощая ее в форме самостоятельно построенного интегрального конструкта. Это чрезвычайно плотная, сжатая форма фиксации опыта, которая может быть в любой момент развернута субъектом (и только им самим) на любую семантическую длину, вплоть до единичного фрагмента его картины мира или частного эпизода ментальности (в осмыслении феноменов мифологемы и символизации мы опираемся на понимание символа как функции, предложенное в работах А.Ф. Лосева [21]).

Личностные мифологемы редко «изобретаются» самой личностью. По большей части на вторичном смыслообразующем витке происходит наложение знакомых личности и предпочитаемых ею прототипов культурогенеза на первичное герменевтическое самоосмысление, результатом чего становится появление *образно-когнитивной матрицы смысло-жизненного пространства субъекта*, в границы которой укладывается вся его жизнь и личность («кто я есть», «какой я», «ради чего и как я живу»).

Мифологема как
символический
фрактал

Если в культурологическом плане мифологема как элемент мифологического «протомышления» объемлет собой множество разнообразных ситуаций, моделируя для человека *целостный внутренний образ мироздания*, то на уровне психологическом она оказывается механизмом, универсально объясняющим личности саму себя в многообразии связанных с «Я» контекстов, моделирующим *внутренний интегральный образ «Я»*. Психологически личностная мифологема обнаруживает себя как *символический фрактал*, легко распадающийся-

ся на множество самоподобных синтагм «Я-жизнь» (кстати, литература дает этому хорошие иллюстрации: достаточно вспомнить, к примеру, «В кругу развалин» Х.Л. Борхеса, «Желтый цветок» Х. Кортасара, «Кунсткамера» Ж. Перека).

Мифологема, в отличие от универсальных архетипов, этнокультурно и, главное – индивидуально, специфична, имеет самостоятельный смысл, психологически конкретна, хотя их совокупность может создавать единую тему – архетипическую доминанту и разворачиваться для сознания субъекта как на уровне мифологического имени («Я – Одиссей», «Я – Сизиф» и т.д.), так и на уровне цитаты («Одиссей возвратился, пространством и временем полный...», «Любовью оскорбить нельзя, кто б ни был тот, кто грезит счастьем...», «Акела промахнулся...», «Командовать парадом буду я...») или сюжета («Отплытие», «Странствие», «Возвращение», «Поиски») [22].

Личностные мифологемы всегда аксиологически и семантически маркированы для субъекта, и это отличает их от биографем. Личностная мифологема выбирается, соотносится с собственной личностью как «знак знаков» и используется в зависимости от многообразных характеристик субъекта, но в первую очередь зависит от его знакомства и ценностно-смысловой погруженности в семиотические ресурсы своего этнокультурного хронотопа, которые представлены мифами, сказками, религиозными текстами, фольклорными источниками, классической литературой и пр.

При объективации личностная мифологема может презентоваться и считываться с помощью разных семиотических кодов (вербальных и невербальных: в форме жеста, графического образа, поведенческого акта, стилевой манеры оформления внешнего облика и пр.). В каком-то смысле она является «арматурой Я», удерживающей, цементирующей в себе все остальные биографические единицы. И сама «структура мифологемы разлагается на отдельные смысловые пласты, причем то, что выступает в качестве плана содержания для единиц одного уровня, служит планом выражения для единиц последующего уровня» [23, с. 7].

Мифологема имеет нарративную природу, имплицитно включает в себя множество повествований, как непосредственно отражающих биографическую канву жизни данного субъекта, так и косвенно относящихся к ней, сделавших его таким, каким он себя устраивает (профессиональные, возрастные, гендерные, научные

тезаурусы, симболариумы, прецедентные тексты, значимые концепты и т.д.).

В мифологемах, функционирующих как образно-когнитивные структуры сознания, самая значимая информация о жизни личности аккумулируется и возводится в ранг персональных символов. Обобщая различные аспекты жизни личности, мифологемы переводят их «в знаковый код, посредством которого... личность оперирует определенным классом сущностей, осуществляя с их семиотическими заместителями процедуры идентификации, сопоставления и отождествления/растождествления» [23, с. 8].

Проявление и активизация тех или иных мифологем на индивидуальном уровне определяется реакцией на них окружения или собственной рефлексией субъекта. Тем не менее определенные мифологемы выполняют роль личностных констант и определяют логику и стилистику текстов о себе, прежде всего имеющих мировоззренческое значение и направленных на формирование у членов сообщества целостного представления о себе, окружающем мире, цели и назначении своего существования (миссии).

Выводы

1. Хранение, упорядочение, осмысление и «выговаривание» личного опыта является внутренней потребностью взрослой личности и составляет суть ее семиотической компетентности как специфического возрастного новообразования.

2. Если жизнь личности протекает под контролем реальности как «бытие-под-взглядом», то автобиография строится под ее собственным контролем как «бытие-под-собственным-взглядом» и осознается как акт индивидуальной свободы.

3. В автобиографировании субъект осуществляет герменевтическую метадеятельность по отношению к собственному сознанию, являющуюся одним из аспектов более широкого экзистенциального феномена – «заботы о себе».

4. Для фиксации личного опыта субъект строит персональный смысловой тезаурус, включающий как минимум семантические единицы трех видов – биографемы (для фиксации, упорядочения и осмысления жизненного опыта), автографемы и мифологемы (для осмысления экзистенциального опыта). Семантический ряд «биографема – автографема – мифологема» может быть теоретически соотнесен с рядом «значение – смысл – символ».

5. Биографемы аккумулируют жизненный опыт личности и связаны с процессами социализации и инкультурации, автографемы связаны с экзистенциальным опытом и самоинтерпретацией, мифологемы – с процессами метафоризации и самосимволизации личности.

6. Биографемы представляют собой образно-семантические единицы фиксации значений событий, участником или свидетелем которых был человек на протяжении своей жизни. Автографемы есть образно-когнитивно-эмоциональные единицы описания и хранения экзистенциального опыта субъекта – событий жизни, которые конкретная личность превратила в «события текста», преломив их через статус «события сознания». Личностные мифологемы выступают как образно-понятийные образования сознания, имплицитно соединяющие в себе смыслы целого ряда личностно значимых эпизодов, слившихся для субъекта в интегральный «символ Я».

1. *Тулъчинский Г.Л.* Исповедь: бытие-под-взглядом, или Философический эксгибиционизм // *Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова: материалы Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 26–27 мая 1997 г.* / отв. ред. М.С. Уваров. – СПб., 1997. – С. 39–44.

2. *Сапогова Е.Е.* Семантика личной жизни: Экзистенциально-нарративный анализ автобиографических историй. – Тула, 2014.

3. *Бадью Делез А.* Шум бытия. – М., 2004.

4. *Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке / под общ. ред. Ю.П. Сенокосова. – М., 1997.

5. *Голосовкер Я.Э.* Избранное. Логика мифа. – СПб., 2010.

6. *Сапогова Е.Е.* Жизненный и экзистенциальный опыт в автобиографических нарративах личности // *Вопросы психологии.* – 2014. – № 1. – С. 68–79.

7. *Фуко М.* История сексуальности-III: Забота о себе. – Киев; М., 1998.

8. *Иванченко Г.В.* Забота о себе: История и современность. – М., 2009.

9. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М., 1997.

10. *Дугин А.Г.* Мартин Хайдеггер. Философия другого Начала. – М., 2010.

11. Бердяев Н.А. Метафизическая проблема свободы // Путь. – 1928. – № 9. – С. 41–53.
12. Эпштейн М.Н. Жизнь как тезаурус // Московский психотерапевтический журнал. – 2007. – № 4 (55). – С. 47–56.
13. Барт Р. Camera lucida. – М., 1997.
14. Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте. – М., 2002.
15. Харченко В.К. Словарь богатств русского языка. Редкие слова, метафоры, афоризмы, цитаты, биографемы: в 2 т. Т. 1. – Белгород, 2003.
16. Подорога В.А. Человек без кожи (материалы к исследованию Достоевского) // Социальная философия и философская антропология: труды и исследования. – М., 1995. – С. 126–160.
17. Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. – М., 2008.
18. Блонский П.П. Философия Плотина. – М., 2013.
19. Кобылко Н.А. Мифологема как ключевое понятие мифокритики: современные подходы // Современная филология: материалы III Междунар. науч. конф., Уфа, июнь 2014 г. – Уфа, 2014. – С. 4–6.
20. Луков А.В. Фрактальность тезаурусов // Знание. Понимание. Умение. Информационный гуманитарный портал. – 2008. – № 9. – URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Lukov_fractality (дата обращения: 28.09.2015).
21. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982.
22. Иванова Ю.А. Категория мифологического времени в современном романе-мифе: на примере романа Джеймса Джойса «Улисс»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2002.
23. Шишова Ю.Л. Лингвистическая объективация мифологема пути в современной англоязычной литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – СПб., 2002.

